

ОСИП ИВАНОВИЧ БОВЕ (1784—1834)

то тридцать шесть лет тому назад Москва переживала знаменательную эпоху. Только что отгремели бури «Двенадцатого года». Народ, изгнавший врага из пределов родной страны, залечивал раны, причинённые вражеским нашествием. Улицы Москвы ещё представляли собой ряды обгорелых стен, с торчащими печными трубами; полное запустение улиц и площадей, всюду — следы великого пожарища. Но жизнь пробуждалась. Возвращались жители на свои пепелища. Начиналось восстановление Москвы после великого пожара. Уже с начала 1813 г., после предварительной расчётки пожарища, возникла «Комиссия для строений в Москве» — специальное учреждение «для приведения первопрестольного города в приличествующий вид». До пожара заботой об архитектуре городских строений ведала «Кремлёвская экспедиция». Чертёжная этой экспедиции, выдававшая проекты построек, находилась под общим наблюдением знаменитого архитектора Матвея Фёдоровича Казакова. Но М. Ф. Казаков уже умер. Архитекторы разбрелись, и большинство их было зачислено в архитектурный отдел вновь образованной Комиссии. В их числе значился «служащий в должности архитектора титулярный советник Осип Бове».

Прежде всего оживала торговая Москва. На Красной площади, около обгорелых стен Гостиного двора, появились заборы и у них ларьки, рогожные палатки, наскоро сколоченные деревянные лавки. Остатки стен Гостиного двора разбирались, заново перестраивались старинные лавки, ещё с XVII в. тянувшиеся вдоль всей Красной площади.

Появились леса у Никольских ворот Кремля, где взорванная отступающими из Москвы французами башня над воротами отстраивалась заново, «с соблюдением её прежнего вида», как её незадолго перед 1812 годом отстроил К. И. Росси. Восстанавливалась также взорванная угловая башня «Водовзводная» и повреждённые в двух местах кремлёвские стены. Летом 1813 г. митрополит совершал уже торжественный молебен «об избавлении России от галлов и с ними двадесати языков».

Всюду начались ремонты, отстройки погоревших и строительство новых домов. В Москве снова числилось более 200 000 жителей (до нашествия французов их было 286000).

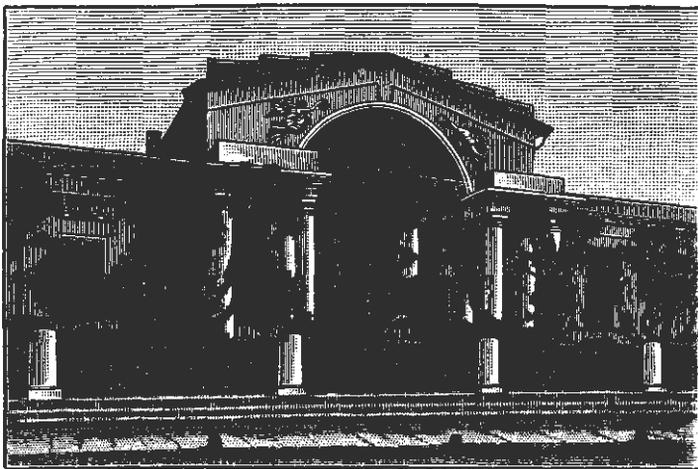
В «Комиссии строений» в день бывало до 100 прошений на постройки. Наиболее деятельным её участником оказался архитектор О. И. Бове. Он не только руководил возобновлением кремлёвских башен и стен, постройкой вновь Гостиного двора, строительством многих жилых и казённых домов, но и лично исправлял архитектурные проекты, подаваемые в Комиссию.

Родившийся 4. ноября 1784 г. Осип Иванович Бове был сыном французско-живописца, переехавшего в Москву. Первоначальное образование по архитектуре и по рисунку Бове получил у Кампорези, посредственного архитектора-итальянца, незадолго до этого присланного из Петербурга в Москву своим земляком Кваренги. О. И. Бове не мог многому научиться у Кампорези, бывшего «каменных дел мастера», ставшего архитектором благодаря связям Кваренги. От Кампорези О. И. Бове перешёл в Архитектурное училище при «Кремлёвской экспедиции», возглавлявшееся М. Ф. Казаковым. У Казакова он научился основам архитектурного мастерства, а практическая работа на постройках Казакова была для него прекрасной школой строительной техники. В годы 1801—1806 Казаков, руководя Архитектурным училищем, строил в Москве такое образцовое произведение архитектуры, как Голицынская больница (Вторая градская, на Б. Калужской ул.), и именно на стройке этого громадного здания помощником его был О. И. Бове. Кроме Голицынской больницы, в эти же годы Казаков строил и дом гр. Разумовского на Гороховой улице (теперь Институт физкультуры на ул. Казакова), а также главное здание Павловской больницы. Эти три крупные строительства дали возможность Осипу Ивановичу Бове усвоить многое и воспринять лучшее от творчества своего учителя.

Вскоре О. И. Бове пришлось близко соприкоснуться и с другим выдающимся мастером архитектуры — К. И. Росси. В 1809—1810 гг. в Твери отделялся дворец для генерал-губернатора Тверской, Ярославской и Новгородской губерний, женатого на сестре Александра I. «Кремлёвская экспедиция» командировала на эту работу молодого архитектора К. И. Росси, а в помощь ему дала О. И. Бове. Поглощённый придворной жизнью и частыми разъездами по губерниям для постройки казённых зданий, Росси не мог уделять всё своё время на перестройку дворца. Трудолюбивый, энергичный О. И. Бове провёл работы по строительству и убранству дворца в поразительно короткий срок.

К этому времени О. И. Бове, ещё не будучи дипломированным архитектором, приобретает известность как энергичный, даровитый строитель. В начале 1816 г. он представил в Академию художеств список своих 34 работ, заверенный главнокомандующим, генералом Торماسовым, начальником восстановительных работ по Москве. О. И. Бове просил Академию утвердить его в звании архитектора, выдав соответственное свидетельство, а также просил дать ему программу для составления проекта на звание академика. Свиде-

тельство он получил, но заданного программой проекта (театра на 3000 человек) не представил: он был целиком захвачен практической работой.

Книжная палата (б. дом Гагарина на Новинском бульваре в Москве).

Вернувшись из Петербурга в родную Москву, О. И. Бове начал строить для кн. Н. С. Гагарина дом в Подновинском (как назывался район Новинского бульвара, местность тогда почти загородная). Этот прекрасный дом, где в наше время помещалась Книжная палата, в 1941 г. был разрушен немцами во время воздушного налёта на Москву. В архитектуре гагаринского особняка ярко сказалось влияние Казакова. О. И. Бове много наследовал у своего гениального учителя, но он не шёл по пути ученического копирования. Дом Гагарина представлял собой совершенно самостоятельное архитектурное произведение. Несмотря на небольшие размеры, он производил впечатление монументального здания, причём с монументальностью сочеталась интимность. Гагаринский дом — яркий образец московского аристократического особняка начала XIX в. Парадный двор перед домом («курдонер») был превращён в цветник; полукругом идущие от центра переходы-галереи к флигелям образуют одно целое с великолепным центральным корпусом, украшенным изящным портиком, с барельефами летящих «гениев» над полуциркульным окном. Сзади дома — большой двор с сараями, конюшнями и другими хозяйственными постройками. Просто и изысканно отделаны интерьеры гагаринского дома, представлявшего собой характерное для Москвы того времени сочетание помещичьей усадьбы с городским особняком. О. И. Бове построил в Москве много других жилых домов. В больших строительных работах по восстановлению московских кварталов после пожара 1812 года архитектору О. И. Бове принадлежала руководящая роль. Опираясь на свои познания, опыт и художественное чутьё, он со свойственной ему смелостью отстаивал

свои проекты и добивался осуществления своих архитектурных замыслов. Жизненный успех сопутствовал О. И. Бове на его творческом пути, и Москва признала в нём своего лучшего архитектора и главного строителя обновлённой после пожара столицы.

О. И. Бове жил некоторое время на Малой Дмитровке (теперь ул. Чехова) в собственном доме, затем он выстроил во владении своей жены кн. Трубецкой другой дом, существующий и сейчас в Петровском (б. Богословский) переулке (ныне дом № 9). Никакой особой мастерской О. И. Бове не имел. Ревнивый к труду своему, он большинство своих проектов выполнял лично, имея лишь немногих подсобных чертёжников из той же «Комиссии для строения».

На эту Комиссию были возложены не только текущие строительные работы, но и «сочинение плана городу Москве, дабы привести город в пристойный вид». Планировка, как мы теперь её понимаем, тогда не была решающей, исходной проблемой в застройке города. Но сожжённую Москву нужно было строить по-новому. Жизнь требовала упорядочения улиц и площадей, ранее хаотически застроенных, изуродованных к тому же пожаром.

О. И. Бове был первым планировщиком Москвы после пожара. Он подошёл к своей задаче очень трезво, учитывая реальные возможности, сохраняя жилищный фонд и стремясь к увеличению торговых помещений. Так, О. И. Бове предложил застроить свободные места на Лубянской, Ильинской, Варварской площадях, вокруг Китайгородской стены рядами каменных лавок. Но О. И. Бове внёс в планировку Москвы и новую большую идею: он разработал проект центральной площади города перед Петровским (ныне Большим) театром. Устройство Театральной площади было намечено ещё в самом начале XIX в но 1812 год прервал работы. О. И. Бове проектировал площадь как единый ансамбль. Приступили к работам, засыпав рвы и заболоченную речку Неглинную, заключив её в трубу. Строились дом Варгина (потом Малый театр), противоположное здание «Аукционной камеры» Полтарацкого (где помещается Центральный детский театр), по другую сторону дом Шевалдышева для гостиницы (где теперь гостиница «Метрополь») и дом Журавлёва (теперь «Восток-кино»).

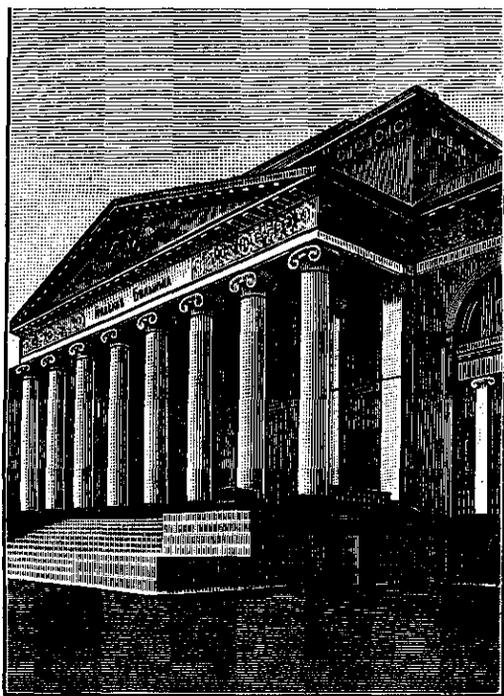
Сожжённое здание Петровского театра ждало своего возобновления. Противоположную китайгородскую стену О. И. Бове предполагал застроить оранжереями и в этой части устроить цветочный рынок. Здания, обрамляющие площадь, были выдержаны в едином архитектурном мотиве (о нём можно судить по сохранившимся до наших дней «кускам» старых фасадов между Центральным детским театром и станцией метро, а также на углу площади Революции). Театральная площадь была замощена, был устроен фонтан, украшенный позднее скульптурой Витали. У Кремлёвской стены, на месте засыпанной р. Неглинной, О. И. Бове разбил сад, выстроил у стены гротраковину, эстраду для музыки, а вблизи галерею с кофейной и фонтан. Сад обнесён был чугунной решёткой, с богатыми, также чугунными, воротами, украшенными барельефами с орнаментом из военной арматуры в память о

войне 1812 года. В 1822 г. сад был торжественно открыт и стал излюбленным местом гуляний москвичей, до этого пользовавшихся только Тверским бульваром, где были вновь посажены деревья.

В то же время залечивались последние раны французского нашествия: отстраивался взорванный угол Арсенала. За этими работами наблюдал также О. И. Бове.

На берегу р. Неглинной, против сада, у Кремлёвской стены, воздвигалось огромное здание — манеж. Строил его инженер Карбонье по проекту французского инженера Бетанкура, строителя многих петербургских мостов и Нижегородской ярмарки. О. И. Бове был приглашён в качестве архитектора для оформления громадного здания. Он придал манежу строгий «военный» архитектурный облик. Колонны дорического ордера обрамляют длинные стены, вдоль которых под карнизом тянется скульптурный фриз с лепными военными эмблемами, тонко нарисованными О. И. Бове. Громадные фронтоны увенчивают торцовые фасады здания.

Двадцатые годы были наиболее продуктивными в творчестве О. И. Бове. Это годы интенсивной застройки Москвы, годы ликвидации следов вражеского нашествия и возведения целого ряда новых зданий, построенных Бове

Первая градская больница.

и другими зодчими, в том числе выдающимся художником-архитектором Афанасием Григорьевым. Оба они являются наиболее яркими мастерами московской архитектуры в период расцвета стиля «ампир». Это условное обозначение обычно связывается с французской архитектурой периода наполеоновской империи. Но наш «русский ампир» несравненно богаче по своему содержанию и формам. Темы и мотивы античной Греции и Рима переработаны русскими зодчими в совершенно самостоятельные композиции, отмеченные печатью национального своеобразия и высоким художественным мастерством.

Большой театр.

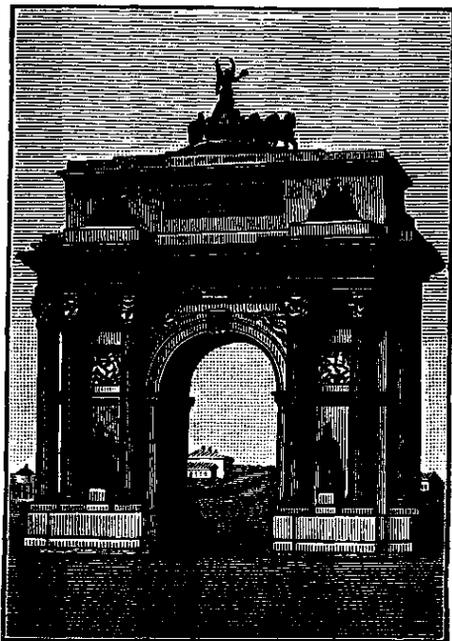
Три значительных сооружения венчают последние годы деятельности О. И. Бове: Градская больница (Первая) на Б. Калужской ул., здание Большого театра и Триумфальные ворота у Тверской заставы.

Первое впечатление говорит о том, что здание Градской больницы создано под непосредственным влиянием соседней Голицынской больницы, построенной Казаковым. Повторив отчасти купольное покрытие в центре здания, соединённого полукружием с флигелями, О. И. Бове дал во всём остальном свою оригинальную архитектуру, начиная от импозантного портика и кончая деталями. От времени сооружения Голицынской больницы до окончания постройки Градской больницы (1828) прошло 37 лет, и мы видим, как за эти десятилетия изменился характер русской классической архитектуры. На смену строгой архитектуре Казакова пришли декоративно-насыщенные формы О. И. Бове, так любившего сочетание гладкой стены с сочными скульптурными рельефами.

Проект возобновления Петровского (Большого) театра для Москвы был предложением особого конкурса, объявленного Академией художеств между своими членами. Ставилось требование — включить уцелевшие от пожара старые стены в массив нового здания, долженствующего «составить одну из сторон площади, коей строения уже окончены». При этом был представлен проект О. И. Бове, а также проект архитектора Ламони (помощника известного архитектора Д. Жиларди). На конкурс отозвался старший профессор архитектуры Академии Андрей Михайлов. Его проект был утверждён, и О. И. Бове было предложено выстроить здание по этому проекту. Но О. И. Бове переделал проект Михайлова, упростив формы, сделав фасад более строгим и стройным, внёс также существенные изменения к лучшему и во внутреннюю

планировку помещения, дал иное убранство зрительного зала и применил в нём усовершенствованный пол, устраняя в случае надобности (при маскарадах) его наклонность, сравнивая его с поверхностью сцены. О. И. Бове подал смелую мысль: он предложил вместо занавеса сделать большое зеркало. Но подобная мысль испугала театральное начальство. В 1825 г. театр был торжественно открыт, и на открытии, по словам одного из очевидцев — А. Булгакова, «перед увертюрой поднялся ужасный шум; стали выкликать строителя: Бове, Бове! Он явился в ложе директора и его заглушили рукоплесканиями, и «браво» летали по зале!..». Большой театр — замечательное достижение русской архитектуры начала XIX в. Это одно из лучших театральных зданий в мире. В 1855—1856 гг. Большой театр, после нового пожара, был перестроен архитектором Кавосом, значительно изменившим и искажившим тот облик, который был придан зданию Бове. Однако и в этом изменённом виде Большой театр производит впечатление мощного, монументального сооружения.

В 1827 г. был утверждён проект Триумфальных ворот в Москве в честь победы русской армии над Наполеоном. Прекрасная скульптура из литого чугуна работы П. П. Витали и его помощника И. Т. Тимофеева была отлично спаяна с сочной пластикой архитектурных масс, а два здания «кордегардий» (сторожевых помещений у шлагбаума) были типичны для архитектуры небольших павильонов, в виде которых О. И. Бове часто строил небольшие жилые дома. Этот памятник

Триумфальные ворота.

был выдающимся для творчества О. И. Бове, Затянувшаяся постройка ворот была окончена только в 1834 году. 20 сентября было торжественное открытие ворот, но на этом торжестве О. И. Бове уже не было: он умер 2 августа 1834 года.

Осип Иванович Бове был великим тружеником, энергичным строителем, неутомимым восстановителем Москвы. Он создал прекрасные здания, служащие до наших дней украшением города. Он горячо любил родной город и своим творчеством вписал блестящую страницу в историю русской архитектуры. Москва обязана этому мастеру выдающимся

произведениями зодчества, представляющими собой наиболее характерные и яркие образы московского ампира — этой самостоятельной большой ветви русской классической архитектуры начала XIX века.

Об О. И. Бове: Грабарь И., *История русского искусства*, Спб., 1912, т. I. *История архитектуры (введение)*; «Русская старина», 1872, т. V; *Русский биографический словарь*, Спб., 1908, т. II.

Источник: Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники / Под ред. С.И. Вавилова. — М., Л.: Гос. изд-во техн.-теоретической лит-ры. — 1948.